

Сергей Зайцев

Куэнкэй

Сергей Григорьевич Зайцев
Куэнкэй

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166281

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зайцев

Куэнкэй

Автор благодарит Дмитрия Самохина за участие в создании образа куарай.

Глава 1

Почуяв *отклик*,¹ Куэнкэй-Ну² пробудился.

Все его соплеменники по-прежнему пребывали в Спячке, а сам он очнулся лишь потому, что поддерживал *осаша*³ – выпал его черед Стража, и он вынужден был дремать на границе сна и яви, отслеживая изменения в *мефа*.⁴

¹ Отклик – ментальный импульс, исходящий или от существ, годных для куарай в пищу, или от их врагов, выдавших свое присутствие.

² Иерархия среди куарай выражается в приставках к их именам: Ну – молодой куарай, имя которого пока не имеет значения для племени. Период Ну обычно длится около года. Обязанности Ну – добывать для племени пищу, на потомство он права еще не имеет. Ра – куарай, пошедший посвящение в охотники-воины, имеющий право на потомство. Са – опытный воин, от трех до двадцати лет, основа племени, костяк, элита. Ша – мудрый воин. Обычно старше тридцати лет, воин с заслуженной боевой репутацией, пользующийся авторитетом лишь немногим меньше, чем вождь. Из Ша состоит совет старейшин племени. Да – вождь племени.

³ Осаша – ментальное внимание стража, охраняющего территорию племени.

⁴ Мефа – окружающий мир, ощущаемый куарай при полностью ментально развнутом сознании, означает также территорию, подвластную племени.

Оттолкнувшись длинными костяными иглами, в которые за время спячки превратились его пальцы, Куэнкэй-Ну легким движением приподнялся на пружинистом ложе, сплетенном из гибких ветвей куарай-кустов, и оглядел пространство гнезда. Оглядел как слабым *внешним*,⁵ так и основным *внутренним* зрением. Темнота, влажный теплый воздух, пронизанный густым уютным запахом соплеменников...

Самцы, напоминая в позе сна пучки скрученных замшелых веток, лежали вдоль стен округлой пещеры, каждый на своем ложе. Дальше всех от входа, там, где теплее всего, находились вождь и старейшины, а самки лежали вместе, на большом общем ложе в центре пещеры, скучившись и завер-

⁵ Вид куарай: облик напоминает высохший от голода, мумифицированный труп, четыре длинные костлявые лапы (на передних кистях три пальца – два прямых и один противопоставленный, пальцы ступней более ороговевшие и короткие), длинное тело лишь чуть толще конечностей, хвост с костяным наконечником. Кожа шершавая, морщинистая, серовато-зеленая и маслянистая, напоминает древесную кору, очень прочная. Череп по сравнению с телом крупный (как у рахитов), пасть делится на три вытянутые челюсти, нижняя чуть шире, две верхние поуже. От надбровных дуг через затылок и дальше, вдоль позвоночника, тянется костяной гребень из острых зубцов. Глаз, как таковых нет – череп опоясывают шесть углублений, которые одновременно являются органами ментального и инфракрасного восприятия. Куарай не прямоходящие, перемещаются на четырех лапах, годовалый куарай – с метр ростом от земли до «холки», охотник, достигший возраста вождя, может достигать двух метров. Движения куарай на человеческий взгляд неестественные – быстрые, рваные, как бы фиксированные в каждой точке-остановке. Только что двигался – и застыл, в полушаге, в полувзмахе. Самки куарай по размеру гораздо меньше взрослых охотников, и по облику словно относятся к другому виду: пухлые, с более короткими конечностями, с крыльями, позволяющими совершать длинные пологие прыжки.

нувшись в крылья для защиты от холода. Самцам же холод не помеха, и крыльев у них нет, охотнику не нужны крылья, а вот чтобы долететь до *пищи*,⁶ пока она еще теплая, живая, лишь парализованная точным ударом хвостовой иглы охотника, да, тут крылья крайне необходимы...

Куэнкэй-Ну задрожал от возбуждения, ноздревые впадины раздулись, втягивая запах течки, запах спаривания, запах продолжения рода...

И вынужден был себя одернуть.

Нельзя, время не пришло.

Что же его разбудило?

Стоило ему задуматься, и его чутье заработало полностью, *прощупывая мейфа* за пределами гнезда. И почти сразу

⁶ Пища – дичь, трофей охотника, любые животные, чья масса достаточно велика для выведения потомства охотников куарай. Оплодотворенная самка носит несколько сотен яиц, но откладывает в жертву, парализованную ядом самца, лишь несколько десятков, их количество варьируется в зависимости от массы пищи. Инкубационный период – несколько часов. Десятки молодых куарай выходят из пищи, прорвав плоть острыми зубками, и сжирают взрастившую их оболочку без остатка. Затем между ними начинается схватка, пока не останется двое-трое самых сильных, которые и пополняют племя. Детеныши-самки обычно в схватках не выживают, поэтому, если племени нужны новые самки, самцы в помете умерщвляются теми, кто присматривает за выведением молодняка. Обычно наблюдателями бывают те самцы, кому принадлежит потомство. Реже, в том случае, если «родители» по каким-то причинам не могут этого сделать, за пометом наблюдают безголосые, назначенные вождем на роль нянек. Детеныши растут с невероятной скоростью, но пока не достигнут возраста в несколько недель, очень уязвимы. Хотя быстры, проворны и прожорливы больше, чем взрослые. Разум просыпается примерно в трехмесячном возрасте. Способны напасть и на зазевавшегося взрослого, но сожрать не смогут – слишком прочная оболочка.

молодой охотник почуял *пищу*. Он знал, что сезон Сна⁷ не завершен, и *пищу* трогать нельзя, ее естественный прирост еще не восстановился после последней Охоты, но он почувствовал что-то новое. Чужое, незнакомое.

Нужно проверить, решил Куэнкэй-Ну. И заспешил к выходу, ловко перемещаясь длинными прыжками на полусогнутых нижних лапах, и помогая себе верхними в движении, для равновесия. Тихий цокот окостеневших пальцев не разбудил соплеменников, даже когда он перепрыгивал через их тела. Еще немного, и охотник выбрался из пещеры.

Снаружи стоял день – серый, холодный день, именно такой, какой и бывает во время сезона Сна, когда засыпает вся природа, не в силах противостоять сезонному холоду. Снег за время сна так и не выпал, поэтому земля тоже была серой, жесткой, вся влага в ней превратилась в кристаллы.

Недалеко от выхода из пещеры тускло блестело зеркало замерзшего водоема.

В два длинных, почти парящих прыжка Куэнкэй-Ну выскочил на лед и, растопылив когти, мгновенно остановил скольжение. Затем внимательно осмотрел свое отражение в темной прозрачной поверхности. За сезон Сна он определенно подрос, подумал Куэнкэй-Ну, издав удовлетворенное шипение. Его когти на пальцах всех четырех лап удлиннились почти вдвое, а к остяной наконечник хвоста окончательно

⁷ Сезон Охоты – период года с весны до зимы, до выпадения снега и холодов. Сезон Сна – время зимы, когда племя погружается в спячку в родовых пещерах.

затвердел, превратившись в гладкое жало. Да и костяной гребень, тянувшийся от надбровных дуг через затылок и вниз, вдоль позвоночника, пророс острыми зубцами. Сторожить покой племени всегда поручают молодняку, молодым охотникам легче проснуться в случае опасности, они более подвижны и чутки и проводят сезон Сна в полудреме, поэтому к началу сезона Охоты вырастают больше своих спящих сверстников. И теперь Куэнкэй-Ну стал совсем взрослым. И получил право на охоту.

Может, и хорошо, что он проснулся раньше других...

Взгляд невольно скользнул по ритуальному куарай-кусту, росшему на берегу водоема. Центральный ствол куста-предка был не толще, чем тело самого охотника, длинные пальцы Куэнкэй-Ну могли обвить вокруг ствола два раза, а вот чтобы добраться до его макушки, пришлось бы встать на голову еще одному такому же, как и он сам, первогодку. Сухой ствол куста-предка обрамляли тонкие жесткие ветки, лишившиеся листьев еще перед сезоном Сна, концы веток растопыривались древесными иглами – защита от безмозглых пожирателей веток⁸ – сладкой *пищи*, спящей сейчас в далеких берлогах. Цвет коры у куста был такой же, как и цвет кожи охотника – серо-зеленый, и такой же морщинистый, но в отличие от куста, кожу Куэнкэй-Ну покрывала тонкая маслянистая пленка – защита от влаги и холода.

⁸ Пожиратель веток – крупный травоядный зверь, любимый объект охоты для куарай.

Ради забавы Куэнкэй-Ну присел на основании хвоста, задние лапы поджал, а тонкие передние вытянул вверх и широко растопырил длинные окостеневшие пальцы, превратив ладони в ошестинившиеся когтями розетки. Подумав, задрал вверх и хвост, воткнув в низкое небо жало. Да, теперь он и сам выглядит так же, как его древесный предок, от которого, по преданиям племени, произошел род Охотников за Пищей, род куарай.

Спохватившись, Куэнкэй-Ну подбежал к кусту, распахнул розетку длинных узких челюстей и осторожно сжал острыми клыками одну из веток, выражая общепринятым в племени способом почтение к кусту-предку. Посчитав свой долг выполненным, охотник прямо с того места, где стоял, взметнулся всем телом в воздух, кувыркнулся вокруг оси, разворачиваясь в прыжке носом к ледяной поверхности пруда, и ударил в падении когтями. Тонкий лед звонко проломился, охотник ушел в темную воду, заработал всеми лапами, ввинчиваясь в холодную вязкую плоть водоема, резко оттолкнулся от илистого дна и снова выскочил на поверхность, в обрамлении водяного фонтана и брызгах колотого льда.

Два прыжка, и он снова сидел на берегу, фыркая и отряхиваясь.

Разминка помогла как следует разогреть тело, а ледяная вода не задержалась на его маслянистой коже, скатилась вниз, окропив мерзлую почву.

Пища. Близко ...

В нескольких прыжках от пруда росло несколько больших, разлапистых семенных деревьев,⁹ с веток которых свисали грозди вялых родильных мешочков, слабо покачиваясь на холодном ветру. Нахохлившись, на одной из веток, не замечая опасности, сидело маленькое, длиной всего с ладонь без когтей, озябшее существо – древоптица.¹⁰ Не успев удивиться столь неожиданной удаче, Куэнкэй-Ну обездвигил существо мысленным прикосновением. Если не обращать внимания на размер, древоптица была весьма отдаленно похожа на самку охотников куарай, и так же не обладала разумом. *Пицца*. Взрослому охотнику много не надо, и одной малявки хватит, чтобы насытиться на целый день охоты. *Пицца* нужна для самок, для выведения потомства. Но древоптица для выведения потомства не годилась, в нее даже яйцо не отложить: мала...

Больше не рассуждая, Куэнкэй-Ну подбежал, сцапал жертву когтями и проглотил, не жуя. Затем замер, прислушиваясь к внешним, пространственным ощущениям. Определив направление, понесся стремительными, почти бесшумными прыжками по стылой земле, лавируя среди кустов и деревьев сонного безжизненного леса.

Ясно было, что пробудила его не древоптица.

⁹ Семенное дерево – дерево, существующее в симбиозе с древоптицами. Древоптицы снабжают дерево необходимыми для жизнедеятельности ферментами, а семенное дерево вынашивает в своих почках их детенышей.

¹⁰ Древоптица – крылатое теплокровное животное размером в несколько сантиметров, существует в симбиозе с семенным деревом.

Отклик исходил от более крупного существа. И Куэнкэй-Ну обязан был его найти и выяснить, откуда оно взялось...

Что-то мелькнуло в поле зрения, охотник резко остановился, замер, заученно превратился в «куст», сжал сознание в *кулак*.¹¹ Он увидел странное существо. Летающее существо. Без крыльев. Величиной с голову охотника, это существо медленно, с тихим жужжанием скользило по воздуху на высоте прыжка, не обращая на охотника внимания.

Не ощущая в нем ни малейшего биения жизни, Куэнкэй-Ну мысленно *пощупал* его... И существо вдруг упало, покатилося по земле. Он подскочил, обнюхал, царапнул когтем твердую, тверже чем у камня, поверхность. Запах незнакомый. Несъедобный. Куэнкэй-Ну недоуменно фыркнул, быстро теряя интерес. Мертвое летающее существо? Но если оно уже было мертво, как оно могло умереть еще раз? И как оно могло летать? Неважно. Зов *пищи* все сильнее. Настоящей *пищи*, хотя и странной. Осторожность. Он не должен ее упустить.

Куэнкэй-Ну бежал долго, зов *пищи* вел его уверенно и властно.

Он бежал долго, но не уставал, охотник рожден для бега, для поиска. Наконец он оказался рядом. Он выбрал для наблюдения небольшой холм, чтобы с его вершины обозревать

¹¹ Кулак – прием во время охоты – предельное глушение ментального фона, с целью стать невидимым для окружающих.

как можно больше лесного пространства, и замер среди куарай-кустов. Можно было забраться на дерево, но там труднее замаскироваться. А среди куарай-кустов он и сам – куст. Незнакомая *пища* могла быть опасной, как пожиратели веток после сезона Сна – нередко случалось, что зверь, защищаясь, перекусывал неудачливого охотника пополам. Сначала нужно выяснить, что *пища* собой представляет.

Куэнкэй-Ну наблюдал довольно долго, испытывая интерес и волнение.

Удивительно. Пока длился сезон Сна, появились новые существа. Совсем новые, таких молодой охотник раньше не видел. И наставник¹² никогда о таких не рассказывал. Новые твари обитали в причудливом, мертвом, непонятно откуда взявшемся здесь, в лесу, гнезде, обладавшем таким же безжизненным запахом, как и то летающее создание, убитое охотником раньше. Гнездо чужаков было блестящее, словно лед на свету, и большое, очень большое – в родовую пещеру куарай оно бы точно не влезло, вздумай его кто туда затащить. А видом напоминало обкатанный водой плоский вытянутый валун, один конец гнезда вдавился в землю, а второй, приподнятый на высоту прыжка, опирался на такие же блестящие, как и его поверхность, лапы. Несмотря на срав-

¹² Наставник – воспитатель молодых куарай. Считается, что опытный воин не должен тратить свое время на обучение молодняка. Он должен охотиться, приносить в племя добычу. Поэтому наставник выбирается из ветеранов, чей статус ввиду старости падает до безголосого, нередко – из бывших старейшин или вождей.

нение с валуном, поверхность гнезда была неровной – из нее то тут, то там, словно осязательные усы на крыльях самок куарай, торчали какие-то прутья. Но Куэнкэй-Ну интересовало не столько чужое гнездо, охотника интересовали его обитатели. Они пахли незнакомо, но хорошо. Так пахнут *живые*. И существ было почти столько же, сколько имелось пальцев на передних конечностях охотника. Пока он бежал, он чувствовал их, как единое целое, но теперь убедился, что их много, только чувства их связаны воедино, как и у охотников куарай в родовой пещере, это-то и его и сбило с толку. Но связь между ними была какая-то неправильная, она то появлялась, то исчезала.

Какое-то время он изучал их повадки, и вскоре пришел к выводу, что эти существа – действительно *пища*, они не конкуренты охотникам куарай, как другие племена охотников. Странные, неуклюжие существа, грузные и неповоротливые, бесцельно бродили вокруг гнезда, обмениваясь примитивными мысленными и звуковыми сигналами. Перемещались они на противоестественно выпрямленных нижних конечностях, а верхними, хватательными, или переносили какие-то предметы, или просто размахивали ими без всякого смысла. И тела их тоже казались неестественно выпрямленными, существа выглядели так, словно в любой момент готовы прыгнуть головой в небо. А охотник должен скользить на полусогнутых, должен быть готов в любой момент оттолкнуться всеми конечностями и прыгнуть. Прыгнуть и хлестнуть хвостом,

вогнуть костяную иглу в жизненно важный центр *пищи*, парализовать ее ядом.

Было совершенно непостижимо, чем заняты существа.

Еще через некоторое время Куэнкэй-Ну осознал, что с мозгом у этих существ что-то не так. Их разум словно как зался двойным. И сомыслями обменивались не сами существа, а то, что находилось в их головах...

Но все это неважно.

Куэнкэй-Ну все труднее становилось сдерживать радость и нетерпение. Охотника била мелкая дрожь. Пища. Новая пища. Крупная пища. Размерами существа были меньше зрелого пожирателя веток, но вдвое крупнее самого охотника. Даже одного существа хватит, чтобы вырастить двух, нет, даже трех молодых куарай. Убить, позвать и оплодотворить самку, чтобы она смогла отложить яйца. И пища оживет. Десятки молодых куарай выйдут из нее, прорвав плоть острыми зубками, сожрут взрастившую их оболочку без остатка. И начнут сражение между собой, пока не останется двое-трое самых сильных. Так приятно будет наблюдать за борьбой, видеть торжество сильных, полноценных малышей, способных пополнить племя... и способных заменить никчемных стариков, чья плоть вступила в стадию бесполезного увядания.

Племя должно выжить, это закон.

Затем можно будет разбудить новых охотников, вернуться и усыпить всю *пищу*. Существ много. Хватит, чтобы вырастить целое поколение... нет, не всю, придется оставить

двух-трех на расплод. Но пока неизвестно, где у них самки, а где самцы...

Куэнкэй-Ну спохватывается, оборвав сладостные мечты.

Нельзя! Нельзя начинать охоту, не получив разрешения вождя Содоруй-Да, иначе он сам пойдет в *пищу*. Нужно возвращаться. И как можно быстрее. Интуиция подсказывала ему, что так же внезапно, как появилась, эта *пища* может исчезнуть. Но сейчас они определенно никуда не денутся. Существа, одно за другим, скрывались в гнезде, словно получив общий сигнал. Видимо, собирались залечь в спячку. Лишь одно зачем-то направилось в сторону холма, на котором сидел Куэнкэй-Ну.

Не спуская с чужака глаз, охотник попятился, без малейшего звука раздвигая телом кусты, но почти тут же пришлось замереть. Чужак подошел так близко, что Куэнкэй-Ну со своего места мог бы достичь его в три прыжка. И охотник чуть не обезумел от близости жертвы, предельным усилием воли сдержал себя, чтобы не обездвижить жертву мысленными путами и не прыгнуть на нее, и... и неожиданно для себя слился с чужим сознанием – на миг...

«...многообещающая планета... Забавные вещи случаются в нашем мире – нищая община отхватила лакомый мирок за с имволическую цену, им все-таки небывало повезло на аукционе... отлить, что ли. Пометить, так сказать. После монтажа портала я вряд ли еще сюда попаду, нам,

бродягам-дальнобойщикам, всегда светят только новые дороги»...

Куэнкэй-Ну ничего не понял. Чужие мысли, чужие образы и понятия...

Чужак вдруг схватился за голову обеими верхними лапами, издал неопределенный звук ртом и, пошатываясь от навалившейся слабости и боли, повернул обратно к своему гнезду.

Куэнкэй-Ну торопливо погасил мысли.

С этой пищей и в самом деле что-то не то. Никогда охотник еще не был так близок к потере самообладания, он едва не начал охоту. Эта пища все-таки опасна, если заставляет охотника так терять разум. Но самое странное заключалось вот в чем: даже простого мысленного посыла хватило, чтобы опасно ослабить *ванару* – жизненную силу чужака. И это случайное *слияние* ... Оно как бы произошло само собой, что-то в чужаке словно открылось навстречу Куэнкэй-Ну... наверное, это как-то связано с тем самым двойным разумом...

Как только существо скрылось в гнезде, его входное отверстие словно заросло, и охотник почувствовал всплеск незнакомой энергии. Гнездо чужаков загудело. А затем... Из-под основания гнезда вырвались жаркие даже на таком расстоянии языки пламени, какие бывают во время страшнейших лесных пожаров, вырвались с оглушающим ревом, гнездо чужаков оторвалось от земли и косо устремилось в

небо.

В ослепляющем страхе молодой охотник припал к земле всем телом, слился с почвой и кустами, сам превратился в один из древесных сонных кустов.

Время страха, казалось, тянулось бесконечно.

Когда рев затих, а летающее огненное гнездо бесследно скрылось в низком стылом небе умирающего сезона Сна, Ку-энкэй-Ну восстановил храбрость и осторожно спустился с холма. Безумство отпускало, он снова становился самим собой.

Там, где ранее находилось гнездо, почерневшая почва дымилась. Охотник прикоснулся длинным когтем. Обжигающе горячо. Нужно возвращаться, рассказать вождю, он должен знать об этих существах.

Не исключено, что *эта пища* еще вернется.

Глава 2

Сезон Охоты с каждым днем все больше вступал в свои права.

Свет проснувшихся небес ласкал *мефа*, стараясь забраться в самый темный уголок и пробудить к жизни самое слабое семечко. Листья и кожура плодов, сброшенные деревьями еще до сезона Сна, курились влажными испарениями, источая пряный аромат. Пережившая холода растительность, отзываясь на щедро даримое тепло, пускала юные и жадные до света побеги.

Теплый, наполненный *ванару* лес пах восхитительно, будоражил ум и желания.

Куэнкэй-Ну охотился уже почти половину светового периода, когда наконец засек подходящую *пищу* на границе пространственного *восприятия*, и мгновенно остановился, замер прямо в полупрыжке. Передние лапы уже оторвались от зеленоватой почвы, с каждым днем все сильнее прораставшей молодым мягким мхом и нежными травяными кустиками чхой, а задние не успели. Несколько мгновений охотник, не шевелясь, прислушивался к своим *ощущениям*. Оживленная стайка древоптиц, попрятавшихся с его появлением среди веток ближайших семенных деревьев, увешанных набухшими с приходом тепла родильными мешками, осмелела и снова засуетилась, возобновляя прерванный брачный та-

нец – малявок обманула его абсолютная неподвижность. Для охотников куарай древоптицы не представляли особого интереса, так как для выведения потомства требовалась более крупная дичь, а сам Куэнкэй-Ну не был голоден, поэтому не стал обращать на мелочь внимания. Таких крох можно найти на каждом дереве, прокормиться взрослому куарай в лесу не проблема, главное – найти *пищу* для потомства.

Именно этим он сейчас и занимался.

Слабые мозговые волны жертвы, улавливаемые Куэнкэй-Ну с большого расстояния, не сразу сформировались в определенную картинку, но вскоре он понял, что почуял пожирателя веток, который, судя по затуханию сигнала, удалялся от охотника, грозя вскоре исчезнуть из зоны восприятия.

Определив направление, Куэнкэй-Ну без промедления сорвался с места, вновь распугав мелких тварей. Вот такая добыча – в самый раз.

Стремительные, грациозные, почти бесшумные прыжки несли его над землей, легкими корректирующими движениями лап и когтей он без труда огибал встречные деревья, летел, как призрачный ветер.

Нужно спешить. Он знал, что находится слишком близко к охотничьей территории соседнего племени – мантулис, поклонявшихся, в отличие от куарай, камню-предку. Глупцы! Разве может камень быть предком! Но охотниками они были умелыми, а их воины заслуживали уважение. И поэтому

следовало спешить, пока пожиратель веток, за которым он гнался, не пересек границу пахучих территориальных меток.

Ритуал предстоящей охоты возбуждал, проникая в каждую мышцу дрожью нетерпения, гнал вперед. Главное, чтобы его никто не опередил, в этой части леса добывали *пищу* еще несколько охотников племени куарай. Они могли перехватить его добычу...

И это соображение еще больше подхлестывало и без того дикую злость, черным ядовитым облаком разъедавшим его разум. Даже если он одолеет пожирателя веток самостоятельно, эта охота не будет полноценной. При распределении молодых самок перед началом охоты вождь обошел вниманием Куэнкэй-Ну. *Слившись* с его рассказом, Содоруй-Да пришел к выводу, что своими неосторожными действиями он испугнул новую *пищу*, обнаруженную им при разведке несколько дней назад. И теперь статус Куэнкэй-Ну на некоторое время, пока вождь не снимет наказание, был приравнен к статусу безголосых.¹³

¹³ Безголосый – самый низкий статус члена племени. Безголосые не имеют права на волю, то есть не имеют права возражать против решений полноценных куарай, и обязаны слепо и беспрекословно выполнять их требования. Ослушавшийся может подвергнуться жестокому, вплоть до смертельного исхода, наказанию. Такой статус имеют или слишком молодые куарай, еще не способные начать охоту, или слишком старые куарай, уже не способные к охоте ввиду самой старости. Также безголосым может стать охотник, нарушивший какой-либо обычай племени, или генетически неполноценный, не способный к оплодотворению самок, или тот, чье потомство ввиду его врожденного уродства нежелательно для племени. Как правило, наказание такого рода для полноценных охотников – лишь

Позорный, низкий статус, его имеют или слишком молодые куарай, еще не способные начать охоту, потому что их хвостовое жало еще не умеет вырабатывать яд, или слишком старые куарай, уже навсегда закончившие свой сезон Охоты, чьи ядовитые железы уже усохли, умерли раньше хозяина. Да и старики такие долго уже не живут. Еще в племени имелись увечные – взрослые куарай, умелые охотники, не способные к оплодотворению. Были и такие, чье потомство ввиду врожденного уродства было нежелательным для племени. Таких было мало, и тем позорнее было наказание для Куэнкэй-Ну. Он, молодой, полный сил охотник, был приравнен вождем именно к ним. К неполноценным. К безголосым. К тем, кто по закону племени не имеет никаких прав. И под угрозой немедленной смерти обязан слепо и беспрекословно выполнять приказания полноценных. Все это так же означало, что охотиться ему разрешено, это его обязанность, но его добыча достанется самкам других, полноценных охотников. Ему не позволено продолжение рода до особого разрешения Содоруй-Да. Пока тот не решит, что Куэнкэй-Ну этого достоин.

Злость требовала выхода. Наказание было несправедливым. Незаслуженным. Он ведь старался. Никто бы не смог поймать ту *пищу*, даже сам вождь, чей возраст уже вступил в стадию бесполезного увядания и яд его должен был высохнуть к следующему сезону Охоты...

временное, охотник может вымолить прощение успешными действиями во благо племени.

Злость требовала выхода, но у охотника не было времени останавливаться, он гнал себя вперед. Он в прыжке полоснул когтями передней лапы по ближайшему дереву, кора полетела клочьями, а Куэнкэй-Ну помчался дальше.

Чтобы заслужить прощение вождя, для племени нужно добыть хорошую, крупную *пищу*. И он ее уже *чуял*. Но пища собиралась удрать на чужую территорию. Ничего. Он успеет, он уже близко, Куэнкэй-Ну несся с такой быстротой, что обступавшие его деверья и кусты сливались в размытые серо-зеленые полосы...

Занятый погоней, он сузил зону своего внутреннего *чутья* в узкий *коготь*,¹⁴ и не *слышал* больше ничего, кроме биения жизненного пульса добычи... Чем больше сокращалось расстояние до жертвы, тем быстрее его злость вытеснялась диким восторгом и пьянящим предвкушением битвы...

Стайка древоптиц вспорхнула из-под лап так неожиданно, порскнув в разные стороны, что Куэнкэй-Ну, оступившись в конце длинного пологого прыжка, кувыркнулся через голову. Падение вышло жестким, он сумел правильно сгруппироваться в кувырке, но не успел увернуться от старого семенного дерева с мощным, кряжистым стволом, влетел в него головой. Отчаянным вывертом всего тела он все же уклонился, и удар пришелся лишь вскользь, ознаменовавшись звонким

¹⁴ Коготь – прием во время охоты – сужение поля ментального восприятия в узкий шуп, для большей сосредоточенности на жертве. Вся остальная живность в такой момент для охотника перестает существовать.

стуком костяного гребня о старый окаменевший ствол...

Поднявшись с мягкого мха, Куэнкэй-Ну ошеломленно потряс головой, собираясь с мыслями. Кажется, он ничего себе не повредил... но его чутье, собранное усилием воли в *коготь*, расселось мутным облаком, потеряв нужное направление...

Именно остановка и позволила ему учуять чужака.

Все глаза Куэнкэй-Ну – конусовидные углубления, опоясывающие череп, словно провалы после удара костяным жалом, осторожно *ощупали* видневшиеся впереди холмы, изучая тепловой рисунок, а его мозг словно накрыл их невидимой *паутиной*. И почти сразу он *увидел* картину битвы – в глубоком овраге сцепились охотник из чужого племени и пожиратель веток, тот самый, которого Куэнкэй-Ну уже считал своей добычей, *пищей* для своего племени.

Первым желанием Куэнкэй-Ну было броситься на чужого охотника и убить, вонзить в его жесткую плоть пучки костяных пальцев обеих передних лап, вырвать из его тела *ванару* и таким образом утолить вновь вспыхнувшую злобу. Но он сумел сдержаться, умерить свой гневный порыв. Дрожа от внутреннего напряжения, Куэнкэй-Ну бесшумно взобрался на холм и замер среди кустов. Тот, кто ищет внутренним *чутьем*, раскинув незримую *паутину*, сам уязвим для обнаружения такими же охотниками. Поэтому Куэнкэй-Ну, затаившись и предусмотрительно снова свернув *чутье* до предела, в *кулак*, занялся безмолвным наблюдением. В таком состоя-

нии его можно было обнаружить только прямым взглядом, но чужой охотник был слишком занят борьбой, а пожирателю веток тем более было не до него, так что Куэнкэй-Ну был невидим для сражающихся.

Картина, представшая его зрительным органам чувств, была живописной и волнующей. Ноздревые впадины охотника возбужденно раздулись, втягивая запах *пищи*, хвост встал торчком, костяное жало на его конце мелко завибрировало...

Мантулис, сражавшийся на дне грязевого оврага, тоже был «ну» – из помета прошлого сезона Охоты, как и сам Куэнкэй-Ну, а пожиратель попался старый, заматеревший, неизвестно как забредший в охотничьи угодья племени. Могучий многолапый зверь угрожающе щелкал всеми рядами челюстей, расположенными между бедренных сочленений на боках длинного тела, и хлестал вокруг себя по земле выступающими из хребта многочисленными хватательными отростками. Когда пожиратель пасся, эти хваталы пригибали ко многим ртам лакомые ветки, а теперь он вынужден был ими обороняться. В овраге ему было тесновато, но и охотнику-мантулис было непросто подобраться к нему вплотную, чтобы вонзить жало в уязвимое место. Гибкий, поджарый, стремительный охотник отчаянными прыжками скакал вокруг упрямой *пищи*, выделявая в воздухе такие изощренные кульбиты, что Куэнкэй-Ну поневоле восхитился его отвагой и ловкостью. Мантулис все никак не мог выбрать удобный

момент, и изо всех сил старался не попасть под сокрушительный удар хватал пожирателя, вполне способных переломить ему хребет. Ведь зверь был во много раз больше самого охотника. Но отступить мантулис явно не собирался, его отваге можно было только позавидовать.

Теперь Куэнкэй-Ну понял, почему инстинкт заставил его сдержаться – пожиратель веток был стар, безобразен, упитительно огромен и... невероятно опасен. Обездвижить его *внутренним ударом – жоэстэ*,¹⁵ как древоптицу, невозможно. Пожиратель веток умел сопротивляться чужому вторжению в свое сознание. Такая *пища* приносит добывшему ее охотнику славу, и уж точно принесет Куэнкэй-Ну прощение вождя... Но не раз бывало, когда охотники его племени лишались *ванару* в таких схватках, и их самки доставались более удачливым соперникам. А этот пожиратель веток мог пережить не одного охотника. Его хитиновые бока, черные, как перемешанная толстыми лапами грязь на дне оврага, были исполосованы серыми вздутиями боевых шрамов – метками неудачников. Пожиратель веток предпочитает растительную пищу и недаром носит свое имя. Но если представлялся случай закусить поверженным врагом – зверь его не упускал.

Зачем вступать в схватку сейчас, подумал Куэнкэй-Ну, когда оба врага живы и полны сил? Пусть останется один. Ес-

¹⁵ Жоэстэ – ментальный удар, прием, используемый как во время охоты на пищу для обездвиживания жертвы, так и при сражениях охотников друг с другом. Как правило, больше шансов победить у обладателя более мощного жоэстэ.

ли победит пожиратель, то соперник погибнет, а сама *пища* будет ослаблена сражением. Если одержит верх мантулис, то пожиратель будет парализован, а мантулис, опять же, измотанный боем, станет для Куэнкэй-Ну легкой добычей. Такая мысль была для него, юного куарай, новой, но уже многообещающей.

При любом исходе поединка Куэнкэй-Ну получит максимальную выгоду.

Схватка между тем разгоралась, от отчаянной борьбы у обоих разгоряченных соперников тела посветлели от выделяемого тепла. Хватательные конечности пожирателя мельтешили в воздухе, словно травяной ковер, прикрывая спину от нападения сверху, а боковые рты непрерывно щелкали, издавая угрожающее гудение. В какой-то момент зверь оказался близко от мертвого, не пережившего сезона Сна семенного дерева, и мантулис наконец нашел лазейку, брешь в обороне врага-жертвы. Взлетев на дерево, охотник вцепился костяными пальцами в верхние ветки, и предельно вытянув тело в дрожащую струну, ударил хвостом. Поднырнув под хваталы, костяное жало влетело прямо в один из боковых ртов пожирателя и впилося в мягкие внутренние ткани. Тут же, не медля, мантулис попытался оттолкнуться от дерева и спрыгнуть вниз, подальше от пожирателя... но на этот раз ловкость ему изменила. Хваталы пожирателя успели обвить-ся вокруг его тела, всего две из очень многих, но этого оказалось достаточно. Сильнейший рывок, и мантулис с размаху

впечатался в дно оврага всем телом. Пожиратель тут же надвинулся на него массивной тушей, безжалостно втоптывая в грязь дергающегося врага множеством коротких мощных лап, послышался треск костей.

Яд охотника-мантулис, хоть и с опозданием, все-таки сделал свое дело. Вот движения зверя замедлились, гибкие хваталы медленно опустились на спину, обвиснув по бокам, словно высохшая трава. А сам он, покачиваясь от внезапно охватившей слабости, подломил лапы и грузно опустил могучее, но уже беззащитное тело на брюхо.

Собравшись с силами, покалеченный мантулис с натугой, рывками, помогая уцелевшими лапами и хвостом, выдрал себя из-под туши *пищи*, кое-как поднялся с земли. Жилистое тело охотника наполовину перемазалось в грязи, передняя лапа, сломанная в плече, висела плетью, морда была залита темной сиреневой кровью, сочившейся из многочисленных царапин. Впрочем, и грязь, и кровь, не задерживаясь, уже скатывались по морщинистой, маслянистой коже на почву. Мантулис с натужным шипением втянул воздух через ноздри и заковылял к ближайшему дереву. Его движения утратили ту живость, с которой он начинал схватку. Зато в его душе все *пело* ...

Куэнкэй-Ну и на этот раз сумел сдержать свое сознание в *кулаке*, хотя чужака можно было прикончить без проблем, и охотник изнывал от нетерпения, зная, что сможет это сделать. Но молодой куарай вовремя додумался, что последует

дальше, и у него появились новые соображения, как использовать ситуацию с еще большей выгодой для себя.

Израненный и утомленный, мантулис, тем не менее, снова забрался на семенное дерево, следуя правилу ритуала. Повиснув на трех уцелевших лапах на толстой горизонтальной ветке, он мысленно *запел* песню продолжения рода, взывая к самке из своего гнезда. Изливая торжество своей победы, охотник пел громко и самозабвенно.

Да, чужак оказался удачлив. Но упиваясь своей победой, он окончательно потерял осторожность. Выждав необходимое время, достаточное, чтобы *зов* достиг чужого гнезда, Куэнкэй-Ну подкрался ближе, по-прежнему удерживая свой разум в *кулаке*. Мантулис все же сумел его учуять по запаху, но в самый последний момент, и спасти себя уже не смог – хвостовое жало охотника-куарай с громким стуком вошло в одну из его боковых глазных впадин, безжалостно разорвав мозг. Смерть наступила мгновенно. Так и не расцепив мертвую хватку костяных пальцев, тело мантулис на вытянутых лапах безжизненно закачалось на дереве.

Вот теперь *запел* Куэнкэй-Ну.

У него все получилось. Он мудр и прозорлив, как вождь! И тем обиднее было вспоминать о наказании сейчас.

Куэнкэй-Ну спустился в овраг и в несколько прыжков обогнул большое тело пожирателя, исполняя ритуальный танец. Его переполнял восторг – добыча досталась ему. *Ему!*

Но охота еще не закончилась.

Он уже почувствовал самку, вызванную чужим охотником перед смертью, она оказалась неожиданно близко, и стремительно неслась на умерший *зов*. Видимо, мантулис позвал ее еще до того, как справился со зверем, как только напал на него, и заставлял держаться поблизости, пока шла схватка. Торопливый, хвастливый юнец...

Тем лучше для Куэнкэй-Ну.

Эта самка не принадлежала племени куарай. Следовательно, она тоже была добычей Куэнкэй-Ну. И он не нарушит обычаев, если заставит ее...

Да! Куэнкэй-Ну задрожал от возбуждения, не в силах справиться с охватившим его чувством острого вождения. Так он и сделает.

Вскоре он увидел ее. Увидел, как гибкая, грациозная самка мантулис, часто взмахивая широкими нежными крыльями, скользит в его сторону по воздуху низко над землей, почти цепляясь мягким выпу клым брюшком, наполненным неоплодотворенными яйцами, за макушки кустов.

У него будет свое потомство, окончательно решил Куэнкэй-Ну. Здесь и сейчас. Он даже может... Куэнкэй-Ну заколебался. Но вопиющая в своей преступности мысль уже не уходила из взбунтовавшегося сознания. Напротив, она продолжала крепнуть.

А зачем ему нынешнее племя? С такой добычей, как гигантский пожиратель, он может основать новый род, собственный род, и сам станет в нем вождем. Да, это непросто

– основать свой род. Все охотничьи территории *мефа* давно поделены между племенами. Поэтому любой новый род – конкурент для остальных племен, *гацу*, и племена могут даже объединиться и сообща задавить отщепенца, если конечно, Куэнкэй-Ну не победит в ритуальном поединке всех вождей этих племен. Вот только настолько он своих сил не переоценивал. Есть и другой способ – затаиться. Вывести потомство, обучить молодых воинов, и уже тогда, во главе собственной армии, бросить вызов Содоруй-Да...

Он знал – такое уже случалось и раньше.

Он также знал – бывало, молодые побеждали, и новый род занимал место старого.

Он знал это, потому что когда вождь *впитывал* его сознание, он *впитывал* сознание вождя, при слиянии разумов обмен сомыслями неизбежен.

Самка плавно опустилась на спину пожирателя веток и недоуменно *осмотрелась* тепловым зрением вокруг, не обнаружив своего самца. Лапа Куэнкэй-Ну, притаившегося возле тела поверженного зверя, взметнулась вверх, и острые когти разорвали ей крыло. В следующее мгновение охотник уже сидел на хребте пожирателя, осторожно сжав челюстями загривок самки. Она замерла, не пытаясь вырваться, сразу смирившись с участью. Самки полуразумны, их дело – откладывать яйца, ни на что большее они не способны. Даже на протест.

Жесткие осязательные волоски на концах крыльев и на

плечах самки распрямились от боли, когда Куэнкэй-Ну *соединился* с ней, вводя в яйцеклад свое семя.

Некоторое время оба провели в полной неподвижности. Наконец, почувствовав, что все закончено, Куэнкэй-Ну, удовлетворенный и успокоенный, отодвинулся от тела самки. Затем взобрался на дерево, на ту же ветку, где все еще висел мертвый соперник, и упоенный собственным величием, величием задуманного преступления, принялся мечтать...

А самка мантулис выполняла свою работу.

Неторопливо, на полусогнутых лапах, перемещаясь вдоль хребта пожирателя, она раз за разом осторожно погружала длинное и скользкое жало яйцеклада, которым заканчивался короткий хвост, в глубокие карманы боковых ртов *пищи*. Оглушенная волей молодого охотника куарай, самка двигалась вяло, словно во сне, но выполняла все правильно. Теперь нужно ждать, пока выведется молодняк, а Куэнкэй-Ну все это время будет охранять свое потомство от соперников. Охранять с наслаждением и чувством восстановленной справедливости.

Тяжелый незнакомый звук родился где-то высоко над головой, быстро перерастая в оглушающий рев. Страх тяжелой лапой пожирателя вдавился в хребет Куэнкэй-Ну, заставив его прикинуть грудью к ветке и замереть. Внутренний взгляд заметался в поисках опасности, затем обратился вверх...

Он увидел...

Он увидел, как огромное гнездо чужаков, такое же, как и в прошлый раз, падает с неба, выставив в сторону леса ярчайшие огненные жала...

Сбежавшая в прошлый раз прямоходящая *пища* все-таки вернулась!

И она падала прямо ему, Куэнкэй-Ну, на голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.